

Алексей Ланцов
В поисках страны Калевалы
(К столетию финской независимости)

В 2017 году главным событием Финляндии по праву считается празднование 100-летия обретения независимости. Священная обязанность всех вовлеченных в это юбилейное мероприятие – почтить особым вниманием имена тех, чьими усилиями создавалась финская государственность. Есть в этом славном ряду место и Элиасу Лённроту – легендарному собирателю фольклора, автору эпической поэмы «Калевала». Значение этой поэмы трудно переоценить: в ней мы находим попытку реконструировать древнюю историю финского народа, указать на его истоки, дав тем самым твердую почву пробуждающемуся национальному самосознанию финнов. Окончательная редакция «Калевалы» была издана в 1849 году и вместе с первой редакцией 1835 года, а также другими трудами Лённрота, стала мощным обоснованием идеи независимого финского государства.

Мне уже приходилось писать о той роли, которую сыграла эпическая поэма Лённрота в деле формирования финской нации, и о том, как вообще стало возможно появление подобной поэмы в тех исторических условиях (статья [«Эпос, создавший государство»](#)). Здесь же мне хотелось бы остановиться на вопросе о том, где и как собирал материал для своего будущего произведения Лённрот, и какова была, скажем так, его сверхзадача.

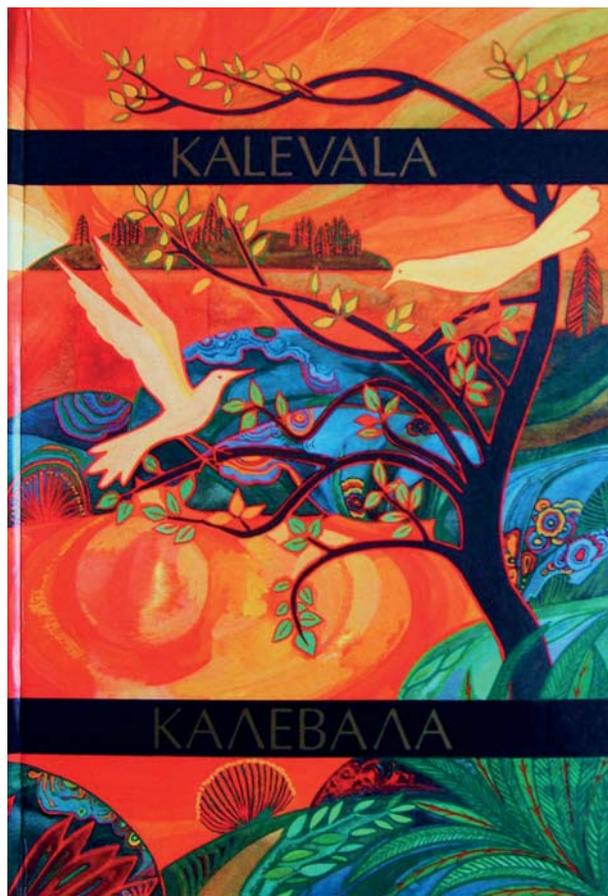
Элиас Лённрот родился 9 апреля 1802 года в местечке Самматти (ныне входит в муниципалитет города Лохья) в семье портного. Ему посчастливилось, вопреки «низкому» происхождению, поступить в университет города Турку. В 1827 году Лённрот защитил диссертацию на тему «Вяйнямейнен, божество древних финнов». Это был первый шаг на пути к его будущей поэме «Калевала».

Мысль о возможности создания из разрозненных произведений устного народного творчества единого целого высказывалась и до Лённрота. Например, еще за десять лет до его диссертации, в 1817 году, начинающий фольклорист К. А. Готтлунд написал ставшие впоследствии широко известными слова: «если бы только нашлось желание собрать воедино наши древние народные песни и создать из них стройное целое (то ли это будет эпос, драма или еще что-нибудь), из них мог бы возникнуть новый Гомер, Оссиан или Песнь о Нибелунгах...».

Готтлунд имел в виду песни, бытующие в Финляндии. Ни он, ни другие в это время еще не знали, что рунопевческая традиция сохранилась не только в Финляндии, но и в соседней русской Карелии. Открытие это сделал Сакари Топелиус-старший, которому посчастливилось встретить летом 1820 года двух коробейников-карел, пришедших торговать в Финляндию из русской части Карелии. Коробейники исполнили по просьбе Топелиуса руны, которые знали. Sensация состоялась. В дальнейшем контакты Топелиуса с карельскими певцами продолжились. Топелиус не только записывал песни, но и издавал их в виде сборников. Эти сборники Топелиуса стали для Лённрота одним из источников при написании диссертации. Его, как и других исследователей, не могли не воодушевить слова Топелиуса о том, что за пределами Суоми, в некоторых волостях Архангельской губернии «еще звучит голос Вяйнямейнена, там звенит еще Кантеле и Сампо» и что именно оттуда он, Топелиус, «получил свои лучшие руны, которые бережно записал».

Поэтому неудивительно, что именно в русскую Карелию и решается отправиться в поисках песен Лённрот. Однако путь туда не был столь простым.

Первая фольклорная экспедиция Лённрота состоялась в 1828 году. В очерке «Путник, или воспоминания о пешем путешествии по Хяме, Саво и Карелии» Лённрот подробно описывает свое увлека-

тельное предприятие. И это описание показывает нам, что молодой исследователь размышляет над вопросами, выходящими за рамки интереса к народному творчеству. Что же это за вопросы? Дадим слово самому Лённроту: «На следующий день я пришел в Юва... Поскольку я знал, что студент Готтлунд уже собирал здесь руны, то не стал о них даже спрашивать. Для собственного развлечения я занялся сбором растений и выяснением их названий. Я считаю, что изучение финских наименований растений и других объектов природы способствовало бы выяснению вопроса о древней родине финнов. Известно, что в разных местностях и названия эти различны, но есть немало названий растений, птиц, рыб, животных, а также минералов, общих для всей Финляндии. Поэтому можно предположить, что финны знали их еще до переселения сюда, тогда как большинство объектов, имеющих совершенно разные местные наименования, по-видимому, стали известны им после переселения в эти края. Исходя из этого, можно было бы определить место обитания подобных животных и объектов природы и считать его местом древнего поселения финнов». Выяснение вопроса «о древней родине финнов» – такова амбициозная цель молодого выпускника университета. Не забудем, что на дворе 1828 год.

Лённрот в пути

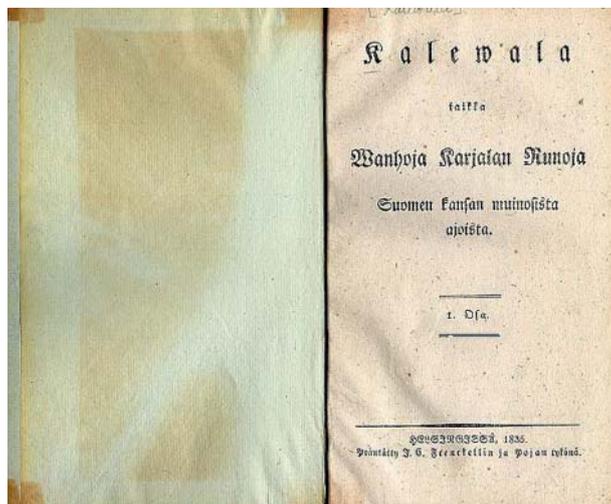
Со дня обретения независимости от Швеции прошло 19 лет. И хотя формально Финляндия входит в состав Российской империи, она бурно переживает подъем национального самосознания, который является необходимой предпосылкой зарождения государственности. Поиск собственных корней, истоков, исторического базиса – становится важной задачей складывающейся нации. Для того, чтобы двигаться вперед, нужен фундамент. Лучшие финские умы прекрасно это осознают. Взять хотя бы того же Готтлунда. В вышеприведенной цитате он высказывает пожелание, чтобы кто-нибудь собрал «наши древние народные песни» и создал из них нечто целое, по примеру гомеровского эпоса или «Песни о Нибелунгах». А дальше продолжает: «и, прославившись, финская нация с блеском и достоинством проявила бы свою самобытность, осознала бы себя и светом своего развития озарила бы восхищенные лица современников и потомков». Лённрот мыслит в этой же парадигме. Собрать песни не для того, чтобы просто напечатать их, как это делал Топелиус, а создать из них что-то вроде варианта национального эпоса, куда были бы «упакованы» вопросы происхождения финнов, их древней славной истории, их героических (а каких же еще?) предков – вот сверхзадача Элиаса Лённрота.

На пути обретения исторических корней Лённрот обращается не только к людям, он – как мы уже видели на примере очерка «Путник» – вопрошает мир природы (впоследствии он напишет книгу «Флора Финляндии»), его также интересует происхождение топонимов, о чем он рассказывает в том же очерке. С годами Лённрот все более пристальное внимание начинает уделять языку (языкам), справедливо полагая, что язык – надежный фиксатор многих явлений прошлого. «Например, язык свидетельствует о том, что когда финны составляли единое племя, у них было представление об общем боге Юмала, и поэтому у всех разбросанных ныне финноязычных племен он обозначается одним словом. Многобожие, вероятно, зародилось позднее, иначе у разных племен сохранились бы одинаковые названия богов...». «Изучая язык, узнаем также, что финны до распада на отдельные племена занимались скотоводством, рыбной ловлей и обработкой железа, а отчасти и земледелием...». «Обращаясь к языку, можно отчасти выяснить и то, какую одежду носили финны прежде и какую стали носить в ходе самостоятельного развития отдельных племен...». «Ранее я уже высказывал свое убеждение, что если изучить диалекты разных финских племен, то можно выяснить многие неизвестные еще факты». Это цитаты из «Путевых заметок» Лённрота, относящихся к его четвертой фольклорной экспедиции 1833 года.

В те же тридцатые годы Лённрот работает над большим стихотворением «Рождение Суоми», повествующим о том, как первопредок Калева с сыновьями путешествует по свету в по-

исках нового места жительства. Край, в котором они останавливаются, Калева решает назвать Суоми, потому что он «дарован» ему свыше (suotu).

В «Калевалу» этот сюжет Лённрот не включил, однако тема обретения родины там присутствует и является одной из центральных. И заявлена она почти в самом начале поэмы. Родившийся в морских водах Вяйнямёйнен доплывает до одинокого острова и решает обустроить на нем свою страну, назвав ее Калевалой. На первый взгляд, это совершенно случайный остров, но неожиданно автор упоминает находящийся там колодец первопретка Калева, и это в корне меняет дело, потому что это уже не просто первый попавшийся остров, а обретенная родина предков. Из дальнейшего повествования мы узнаем, что Калевала – это и есть Суоми, а вождь народа Вяйнямёйнен – сын Калева.

Калевала. Первое издание

Эйно Лейно считал, что Лённрот нагрезил свою «Калевалу». Нагрезил как поэт.

Но вернемся к первой фольклорной экспедиции Лённрота. Знаковым событием для молодого собирателя стала встреча с замечательным рунопевцем западной Карелии Юханой Кайнулайненом (1788–1847). Обстоятельства этой встречи описаны Лённротом в том же очерке «Путник». В гостеприимном доме Кайнулайнена в деревне Хумуваара Лённрот прожил несколько дней, записав за это время от знаменитого певца более 2000 песенных строк. А до этого, ожидая возвращения Кайнулайнена с работ домой, обошел окрестности деревни. Для Лённрота познаваемый им песенный мир – часть той таинственной среды обитания, уже утраченной, где человек, природа и боги находились в совершенно особых отношениях друг с другом. «С неизъяснимой отрадой ходил я по лесу, где покойный отец Кайнулайнена когда-то читал свои заклинания, обращенные к богам и богиням леса, и где в былые времена «девы Метсолы» показывались своим любимцам. Следует заметить, что в бытность свою старый Кайнулайнен был лучшим охотником этих мест. И по суеверным понятиям людей того времени, его охотничье счастье во многом зависело от благосклонности лесных богов, которых он, как никто другой, умел расположить к себе своими песнями. Эти песни перешли от отца к старшему сыну, но младший Кайнулайнен – сын своего времени – уже не считал их столь могущественными, какими они являлись для предков. Они были для него скорее святым наследием отца и напоминали ему детство».

Встреча с Кайнулайненом стала для Лённрота первой в череде встреч с выдающимися певцами своего времени.

Осенью 1828 года, не переходя финско-русскую границу, Лённрот вернулся домой. Привезенный из этой экспедиции песенный материал стал основой для изданного им сборника «Кантеле». Сборник вышел четырьмя выпусками и содержал 90 рун старинной метрики и 20 новых песен. Немало групп строк, встречающихся в «Кантеле», Лённрот позднее перенес в текст «Калевалы».

Не видя возможности зарабатывать на жизнь в качестве филолога, Лённрот в том же 1828 году снова стал студентом, на этот раз его целью было изучение медицины.

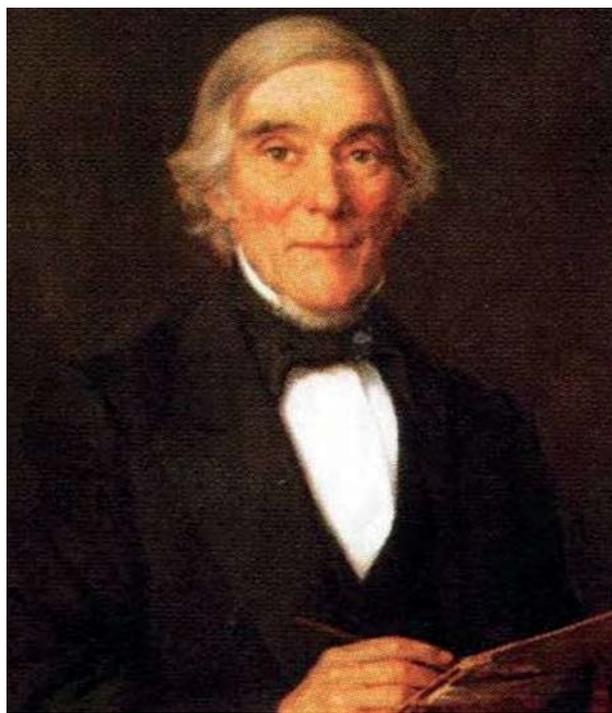
1831 год был ознаменован двумя событиями: было создано Финское литературное общество, которое издаст труды Лённрота, включая «Калевалу», и, во-вторых, Лённрот отправился в новую фольклорную экспедицию. Она оказалась на редкость неудачной. Вместо российской Карелии, куда стремился попасть Лённрот, ему пришлось срочно вернуться для борьбы со вспыхнувшей эпидемией холеры. Он успел записать лишь несколько песен.

Однако следующие поездки оказались исключительно результативными. В 1832 году в Аконлахти (Архангельская губерния) Лённрот записал 17 песен разных жанров от Соавы Трохкимайнена. 1833 год подарил встречу с Онтреем Малиненом и Воассилой Киелевяйненом. Оба певца были жителями российской северокарельской деревни Войница. От Малинена Лённрот записал исключительно ценную в художественном отношении руну о чудо-мельнице сампо (368 строк). Заклинатель и певец Воассила Киелевяйнен был уже очень стар и рун почти не помнил, но он рассказал Лённроту, в какой последовательности следует располагать деяния Вяйнямёйнена. Поездка 1834 года была ознаменована встречей с самым выдающимся из всех известных рунопевцев Архиппой Перттуненом (около

1769–1841). Он жил в Беломорской Карелии, в деревне Латваярви. В «Путевых заметках» Лённрота сохранился рассказ об этой важной для него встрече: «Я отправился в деревню Латваярви... где некий крестьянин Архиппа слыл хорошим рунопевцем. Это был уже восьмидесятилетний старец, обладавший на удивление хорошей памятью. Целых два дня и еще немного третьего я записывал от него руны. Он пел их в хорошей последовательности, без заметных пропусков, большинство из его песен мне не доводилось записывать от других; сомневаюсь, чтобы их можно было еще где-либо найти. Поэтому я очень доволен, что посетил его...». Характерно, что Лённроту Архиппа кажется значительно старше своих лет, в нем он видит «патриарха». От Архиппы Лённрот записал более 4000 стихов: около 20 эпических сюжетов, 13 заклинаний, несколько лирических песен. Репертуар Архиппы этим не исчерпывался, но Лённроту надо было спешить из-за начинавшейся распутицы.

Кроме этих ярких имен, оставшихся в истории рунопевческого искусства, информантами Лённрота были многие крестьяне, жившие по обе стороны границы. Мужчины специализировались на эпических песнях, женщины – на лирических. Среди его информантов встречаются подростки, и даже дети. В силу несовершенства тогдашней методики оформления фольклорных записей, применяемой Лённротом, сведений о большинстве из них, включая имена, к сожалению, не сохранилось.

Из собранного материала Лённрот создает цельное законченное произведение – поэму «Калевала». «Калевала» – это важно понять – не является сборником аутентичных народных текстов, это сочинение Элиаса Лённрота, в котором народные тексты сыграли роль строительных лесов. Под пером Лённрота, по словам литературоведа Э. Карху, «возникла новая эстетическая целостность с новым содержательным уровнем».

28 февраля 1835 года Лённрот сдает «Калевалу» в печать, после чего... отправляется в новую фольклорную экспедицию. Шестую по счету. От встреченного в этой поездке жителя деревни Ухтуя Варахвонтты Сиркейна, по прозвищу Ямала, он записывает 20 рун.

После этого были экспедиции 1836–1837, 1838 и 1839 годов. Говорят, Лённрот возил с собой отпечатанную «Калевалу», между страниц которой вкладывал чистые листы бумаги, куда вносил дополнения либо новые варианты к соответствующим местам поэмы. Обилие дополнительного материала наводит Лённрота на мысль подготовить новое, расширенное издание «Калевалы». В 1844 году он получает пятилетний служебный отпуск и целиком уходит в работу. Новое – и окончательное – издание увидело свет в 1849 году. По сравнению с вариантом 1835 года, новая редакция была по объему почти в два раза больше (22795 строк).

«Калевала», без преувеличения, научный, человеческий и гражданский подвиг Элиаса Лённрота. Ей он самоотверженно посвятил многие годы своей жизни.

Напряженная работа за письменным столом сочеталась у Лённрота с дальними походами, сперва по финской, а потом и по российской Карелии. За время своих фольклорных экспедиций (всего их насчитывают одиннадцать) он прошел и проехал около двадцати тысяч километров. Лённрот собирает почти все жанры: песни эпические и лирические, сказки, пословицы, загадки, заговоры, заклинания. Между двумя изданиями «Калевалы» он издает сборник пословиц (1842 г.), сборник загадок (1844 г.), сборник лирических и лиро-эпических песен «Кантелетар» в трех частях (1840–1841 гг.). Но этим творческая деятельность Лённрота отнюдь не исчерпывается. Так, например, в 1836 году он начинает издавать на финском языке ежемесячный журнал «Мехиляйнен». Одна из задач проекта – развитие финского литературного языка. Лённрот через журнал вводит в оборот множество придуманных им терминов. В журнале печатаются статьи самой разной тематики, печатаются произведения народного творчества, стихи «крестьянских поэтов». Целевая аудитория издания – самые широкие народные слои.

Журнал имеет историческое приложение, в рамках которого выходят, в том числе, «История Финляндии» и «История России». Первый труд написан Лённротом в соавторстве с Ю. Ф. Каяном,

второй с Г. Тикленом. Трудно поверить, но долгие годы вся эта большая и сложная работа делается Лённротом на общественных началах, на жизнь он зарабатывает врачебной практикой. К сожалению, из-за недостатка средств издание «Мехиляйнена» через несколько лет прекращается.

В 1840 году Лённроту поручают закончить составление большого финско-шведского словаря. Работу эту начал языковед Кекман, но в 1838 году он скончался. Над словарем Лённрот будет трудиться сорок лет. Объем словаря и сегодня может поразить воображение – более двухсот тысяч слов! Издавался словарь отдельными выпусками в 1866–1880 годах.

Вопросы, связанные с бытованием финского языка, вставали перед Лённротом неоднократно. Было это как при работе над «Калевалой», так и во время издания «Мехиляйнена». Сильным соперником финского языка был шведский язык. Оставшийся как наследие 600-летнего подчинения Финляндии Швеции, он долгие годы был единственным государственным языком Финляндии и после включения ее в состав Российской империи. С другой стороны, в самом финском языке происходила борьба диалектов, единые нормы национального языка отсутствовали, финские газеты носили отпечаток тех или иных областных говоров. Да и Лённроту, когда он только приступал к изданию своего журнала, советовали издавать его на восточнофинском диалекте Саво. Лённрот это предложение отверг, поставив своей задачей утверждение общенациональных языковых норм. Он рассматривает финский язык как средство преодоления рудиментов племенного сознания и сплочения жителей разных областей в единую нацию. По сути, деятельность Лённрота-лингвиста имеет своей основой ту же идею, что и деятельность Лённрота-писателя, автора «Калевалы», – пробуждение национального самосознания финнов. Лённроту важно успеть «оснастить» финский язык всем необходимым к тому моменту, когда он получит право «выйти из тени» шведского. Не ограничиваясь работой над большим словарем, он подготавливает и выпускает два малых: «Толкователь шведского, финского и немецкого языков» (1847 г.) и «Русско-шведско-финский словарь» (1851 г.). В логику этой работы укладываются две лингвистические экспедиции Лённрота: 1840–1841 и 1844 года. В первом случае он отправляется исследовать карельские диалекты и языки лопарей и самоедов (т. е. саамов и ненцев), во втором – родственный финскому эстонский язык.

Вместе с партией сторонников финского языка Лённрот переживет счастливый момент в 1863 году, когда, откликаясь на просьбу сенатора Снельмана, Александр II признает право финского языка стать – пройдя переходный период – равноправным шведскому административным языком.

В 1854–1862 годах Лённрот трудится профессором финского языка в Хельсинкском университете. Выйдя в отставку, живет в родном Самматти, до конца своих дней ведя разнообразную просветительскую деятельность.

Скончался Элиас Лённрот там же, в Самматти, 19 марта 1884 года.

А что же «древняя родина финнов»? Нашел ли ее Лённрот? Скажем так: «древнюю родину финнов» он частично нашел в финском языке, по крайней мере, в период после «Калевалы» он продолжил этот поиск в пространстве финского языка. Выяснение происхождения тех или иных слов, терминов, географических названий, сравнительные экскурсы в другие языки и прочие лингвистические штудии давали Лённроту богатую пищу для размышлений не только на тему того, как устроен «дом» финского языка, но и каковы исторические «свойства» его «обитателей».

Что же касается страны Калевалы, то в нее – плод своего воображения – Лённрот заставил поверить других. Со страной Калевалой в сознание прежде всего образованного класса вошло большое историческое время, укреплявшее уверенность в том, что финны – не случайный народ на этой земле, что они – равноправная нация среди других европейских наций. В этом отношении Лённрот сделал, пожалуй, максимум того, что мог сделать: в своей поэме он не просто заселил мифическую страну Калевалу вымышленным им народом, он возвел его в божественное достоинство, поскольку вождь народа Вяйнямёйнен имеет божественное происхождение (в последнем случае, правда, Лённрот следовал мифологической традиции, согласно которой Вяйнямёйнен является демиургом).

По словам Э. Карху, «очень скоро после своего выхода «Калевала» стала восприниматься как духовное знамя финского национального движения...». Вот под этим знаменем и шла страна к радостному дню обретения независимости 6 декабря 1917 года.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лённрот Элиас. Калевала: Эпическая поэма на основе древних карельских и финских народных песен / Переводчики Э. Киуру и А. Мишин. Петрозаводск, 1998.
2. Путешествия Элиаса Лённрота: Путевые заметки, дневники, письма 1828 – 1842. Петрозаводск, 1985.
3. Киуру Э. С., Мишин А. И. Фольклорные истоки «Калевалы». Петрозаводск, 2001.
4. Карху Э. Г. История литературы Финляндии: От истоков до конца XIX века. Л., 1979.
5. Мейнандер Хенрик. История Финляндии: Линии, структуры, переломные моменты. 2-е изд. М., 2016.